

П. Н. Донец

ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЕДИНИЦЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Считается, что всякая научная дисциплина, претендующая на самостоятельный статус, должна обладать собственной исследовательской единицей (ср. фонетика \Rightarrow фонема, теория словообразования \Rightarrow морфема, лексикология \Rightarrow лексема и т.д.). Попытки определить такую базовую исследовательскую единицу неоднократно предпринимались и в теории межкультурной коммуникации (далее — МКК), интенсивно развивающейся в последнее время, однако без особого успеха.

Решить эту задачу действительно непросто, учитывая сколь большому числу критериев искомая единица должна удовлетворять. Так, она, среди прочего, должна:

- быть “культурно-совместимой” и позволять описывать как центральные, так и периферические элементы культуры;
- быть “коммуникативно-совместимой” и способной, наряду с прочим, охватывать содержательные элементы МКК разных уровней, причем как неязыкового, так и языкового характера;
- быть пригодной для исследования как системно-языковых, так и дискурсивных (речевых), а также текстовых феноменов;
- быть применимой на предметном, смысловом (концептуальном) и семантическом уровнях;
- подходить для анализа как самой МКК, так и смежных явлений (межкультурной деятельности, национально-культурной когниции и т.д.).

Прежде чем перейти к изложению собственной точки зрения на эту проблему, рассмотрим некоторые подходы к ее решению, представленные в теории МКК. Теоретически, отталкиваясь от самого термина “межкультурная коммуникация”, в поисках соответствующей категории можно исходить как из “культуры”, так и из “коммуникации”.

Первый из возможных подходов к решению этой проблемы представляет, к примеру, Э. Оксаар, предложившая на роль базовой единицы коммуникации так называемые *культуре́мы* (вероятно, по аналогии с известным лингвистическим разграничением *фонема* \Leftrightarrow *звук*), причем истолковывая их в основном поведенчески — как *бихевиоремы*, которые, в свою очередь, могут быть “вербальными, параязыковыми, невербальными и экст-

равербальными” и выражаться, например, в том, “... что некто здороваётся, выражает благодарность, проявляет или не проявляет свои эмоции, придерживается тематических табу, должен хранить молчание или нет...”¹.

Этот подход страдает обычными недостатками бихевиоризма, в частности, трудностями при дифференциации понятий “деятельность” и “поведение”. Неясным остается также, почему вся культура должна быть сужена до “поведения”. Кроме того, поскольку “поведение” представляет собой процесс, при помощи этой категории нелегко охватить такие, в принципе, статичные вещи, как знания, вера, значение, искусство и т.д. Однако самый весомый недостаток термина “культурема” видится в том, что он с самого начала обоснован “монистично” (здесь в значении: “монокультурно”), т.е. не учитывает контрастивно-культурологическую подоплеку феномена МКК.

Бихевиористской в конечном счете оказывается и одна из наиболее интересных концепций последнего времени — концепция так называемых *культурных стандартов*, принадлежащая А. Томасу. Сам автор обобщает ее следующим образом:

Центральные признаки культурно-специфической системы можно определить как “культурные стандарты”. Под культурными стандартами понимаются все виды восприятия, мышления, оценки и деятельности, которые большинством членов определенной культуры для себя лично и для других рассматриваются как само собой разумеющиеся, типичные и обязательные. Чужое и собственное *поведение* (курсив наш. — П. Д.) оценивается и регулируется на основе этих культурных стандартов. Центральными культурными стандартами следует считать те стандарты, которые проявляются в самых разных ситуациях и регулируют широкие сферы восприятия, мышления, оценки и деятельности и особенно значимы для управления процессами межличностного восприятия, оценки и деятельности. Культурные стандарты структурированы иерархически и связаны друг с другом. Они могут быть выделены на различных уровнях абстракции — от общих ценностей до весьма специфических обязательных норм поведения².

Выбор термина обусловлен, вероятно, перечисленными в приведенной цитате признаками: “... само собой разумеющиеся, типичные и обязательные...”. Так или иначе, понятие “стандарт” представляется чрезмерно категоричным для явлений культуры, потому что вполне достаточными для этого статуса чаще всего оказываются параметры “относительно распространенное” и “относительно известное”. Кроме того, ориентация на центральные стандарты снижает эвристический потенциал этого понятия с точки зрения изучения и описания частных, конкретных проявлений культуры. Следует также отметить, что бихевиористская основа усложняет его применение для исследования культурной

специфики текстов и языковых явлений в целом. Весьма важным недостатком категории “культурный стандарт” является также и присущий ей, как и “культурема” Э. Оксаар, “монизм”.

Еще одной категорией достаточно высокого уровня абстракции, способной претендовать на роль базовой единицы МКК, является термин *культурный символ*, предложенный И. К. Швердтфегер с опорой на философскую концепцию Э. Кассирера. Насколько можно судить по объяснениям и иллюстрациям автора, она истолковывает эту единицу довольно широко. Так, к “культурным символам”, на ее взгляд, относятся:

Образы видения пространства, времени и территориальности, частной и общественной жизни, работы и болезни, траура, вежливости, света, цвета, извлечения научного знания, дружбы, зла, молчания и многого другого. Интересно, однако, то, что эти культурные символы известны во всех культурах. Они получают в каждой культуре специфическое, фиксированное значение, передающееся в процессе социализации.....³.

Из приведенной цитаты вытекает, что “культурные символы” представляют собой своего рода культурные универсалии, в связи с чем эта категория плохо подходит для контрастивно-культурологических исследований. Она вряд ли найдет широкое применение также и потому, что понятие “символ” уже задействовано в лингвистике и семиотике как общий термин для знака (или одной из разновидностей знаков). В паре *культурный символ — значение* просматриваются определенные этически-этические параллели с оппозицией *культурема ↔ бихевиорема* Э. Оксаар, но и в этом случае ее понимание “значения” противоречит устоявшейся лингвистической традиции.

Что же касается второго подхода к определению исследовательской единицы МКК, отталкивающегося от “коммуникации”, условно говоря, “коммуникатем” (т.е. ее элементов, составных частей), то в дисциплинах, изучающих различные аспекты МКК (контрастивная лингвистика, этнопсихолингвистика, теория перевода, лингвострановедение и др.), было предложено немало единиц, которые позволили охватить значительную часть элементов коммуникации, создающих затруднения в МКК: *лакуны, реалии, безэквивалентная и фоновая лексика, этномаркированная лексика, ксенизмы* и т.д.

Выдающееся место в этом ряду занимает, несомненно, категория “лакуны”, особенно в интерпретации Ю. А. Сорокина и И. Ю. Марковиной⁴. В трактовке этих авторов “лакуна” становится своего рода собирательным (родовым) понятием для всевозможных межкультурных, межъязыковых и межтекстовых рас-

хождений, проявляющихся в МКК и при межкультурном сопоставлении. Разработанная ими классификация включает более 40 типов лакун и, что примечательно, носит в значительной степени таксономический характер.

“Внутренняя форма” этого термина показательна в смысле трудностей, возникающих при попытках определения исследовательской единицы МКК, которые, в свою очередь, обуславливаются ее “биполярностью”, тем, что она возникает на стыке, при сопоставлении и взаимодействии двух языков и культур, в ситуации *контраста*. В основе термина “лакуна” лежит образ “пробела”, “дыры”, “скважины” и т.д. (схожую мотивацию имеют и англоязычные термины “holes in patterns” (Ч. Хоккет) или “gaps” (К. Хэйл), от которых отталкиваются Ю. А. Сорокин и И. Ю. Марковина^{4а}, в силу чего внимание акцентируется на отсутствующей или отличной части культурного, языкового либо текстового контраста. Парадоксальным образом *наличествующее, бытующее* остается при этом в тени, что на практическом уровне анализа — в связи с естественной инверсией противоречий, — может быть, не очень бросается в глаза, но сразу же обнаруживается при попытках теоретического обоснования.

Какой же термин можно было бы предложить в качестве коррелята “лакуны” для данного уровня манифестации.

Принимая во внимание, что основным дифференциальным признаком первичных форм МКК по отношению к обычной, монокультурной коммуникации выступает столкновение с “чужим” (т.н. “очуждение”⁵), было бы заманчиво связать этот коррелят с категорией “чужого”. Подобные попытки неоднократно предпринимались в теории МКК и смежных дисциплинах (в частности, в теории перевода, контактной лингвистике, герменевтике). На роль соответствующей единицы предлагался чаще всего грецизированный термин *ксенизм*, который, однако, использовался не в качестве гиперонима, а для обозначения заимствований (трансференций) из других языков (языковых вариантов), еще не утративших своей чуждости⁶, а также в отношении ошибочных конструкций при речи на иностранном языке⁷. Некоторыми авторами, впрочем, он распространяется и на явления паралингвистического характера⁸.

Термин *ксенизм* неудобен еще и тем, что категория “чужого” имеет в своем составе, среди прочего, и прагматический компонент (“отталкивающее”, “внушающее страх” и т.п.). По этой причине представляется, что на роль базовой лучше подходит не столь коннотированная категория *специфического*, а на роль кор-

релята “лакуны” для уровня манифестации, соответственно, можно предложить — с опорой на распространенную категорию “реалий” — новый термин *специалия*. Эта категория мыслится как единица максимально высокого уровня обобщения, охватывающая все виды специфики культуры, языка, а также речи и текстов на этом языке (дискурса). Вместе с “лакуной” “специалия” образует бинарную единицу *контраста*, охватывающую, в свою очередь, все виды *несовпадений* между сопоставляемыми культурами, языками, дискурсами и текстами. Соотношение между этими категориями можно представить в виде формулы: $контраст_{x \leftrightarrow y} = специалия_x + лакуна_y$.

Соответственно, вся сфера специфических явлений, возникающих на стыке, при сопоставлении и контакте двух языков и культур, может быть первоначально подразделена на *культурные*, *(системно-) языковые*, *дискурсивные* и *текстовые* специалии.

Только что введенная категория “специалия” сама по себе не может претендовать на статус рабочей исследовательской единицы МКК — для этого ее содержание слишком расплывчато и гетерогенно. Ее можно использовать, пожалуй, лишь для теоретических построений общего характера или в качестве гиперонима в кореферентных терминологических цепочках.

Область “специалий” теоретически поддается рассмотрению на трех уровнях: предметном, смысловом (концептуальном) и семантическом. В первом случае исследователь должен отталкиваться от самих реалий, какими они существуют в действительности; во втором — от их отражений в человеческом сознании (смыслы, концепты) и в третьем — от языковых знаков, связывающих эти смыслы (значения, семантика).

Слабые места предметного подхода хорошо известны: к примеру, наличие большого количества абстрактных, невещественных, фиктивных и иных когнитивных образований, существующих лишь в ментальной форме. Учитывая, что в коммуникации речь также идет, в основном, о предметах, недоступных для непосредственного наблюдения, т.е. о тех или иных продуктах концептуализации, следует признать, что предметный уровень вряд ли является подходящим для наших целей.

Что же касается преимуществ и недостатков смыслового (концептуального) и семантического подходов, то на них целесообразно остановиться отдельно.

Наибольшее развитие семантический подход к исследуемой проблеме, вероятно, получил в лингвострановедении, где была предложена специальная семасиологическая (“континическая”)

теория слова. Ее ядро составляет положение о том, что слово или, точнее говоря, словарное значение является “вместилищем” знаний о неязыковой действительности⁹.

Второй важный элемент этой концепции — разложение значения слова на две составные части: *лексическое понятие*, с одной стороны, и *лексический фон* — с другой. “Лексическое понятие” состоит из признаков (т.н. “семантических долей”), “...обеспечивающих узнавание и именование соответствующего предмета или явления”^{9а}. “Лексический фон” же, в свою очередь, включает в себя, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, все непонятные “семантические доли”, относящиеся к слову, и представляет собой поэтому основное “вместилище” страноведческих знаний.

С точки зрения поиска подходящей исследовательской единицы для интеркультуралистики, разработка “лингвострановедческой теории слова” означала несомненный шаг вперед. Здесь, безусловно, имелась исходная величина, а именно “значение”, что позволило использовать обширный и глубоко проработанный аппарат семасиологии для целей исследования и преподавания. Вопрос контрастивности относительно легко снимался введением термина “национально-культурная семантика”; стало возможным говорить о национально-культурной семантике практически всех “содержательных” единиц языка — слова, предложения, текста, что, в свою очередь, дало возможность охватить значительную часть страноведчески маркированных (национально-культурных) феноменов (в том числе — благодаря категории “фоновой лексики” — феноменов частично специфических) и т.д.

Вместе с тем односторонняя привязка к категории значения заметно снижает эвристический потенциал искомой исследовательской единицы, в связи с рядом субстанциональных свойств, присущих языковому Коду:

- языковой Код является принципиально ограниченным по сравнению с неограниченным многообразием мира вещей и идей;

- в связи с этим Код не может не обобщать, т.е. его единицы (по крайней мере, большая их часть) должны обозначать целые классы сущностей;

- по той же причине в Код не входят имена, обозначающие индивидуальные, уникальные объекты (= имена собственные);

- указанное первым противоречие преодолевается не только путем генерализации (обобщения), но и так называемой “асимметрией языкового знака”, т.е. способностью языковой формы

связывать несколько значений, и наоборот, возможностью выражения одного и того же неязыкового содержания несколькими языковыми формами. Удачно сформулировал это соотношение Ф. Й. Хаусманн: “Выражения полисемичны, а смыслы полиморфны”¹⁰.

Проиллюстрировать последнюю закономерность применительно к интересующей нас тематике можно на примере лексемы *перестройка*. До конца 80-х гг. это было совершенно обычное слово (ни его “лексическое понятие”, ни “лексический фон” не имели никакой страноведческой окраски), и тем не менее с указанного времени оно приобрело культурно-специфическое значение “реформы”, более того, стало ключевым словом эпохи. Схожую судьбу в бывшей ГДР испытало слово *Wende* (“поворот”).

Таким образом, мир смыслов (концептов) гораздо богаче, чем мир языковых знаков, и опора на смысловой уровень может оказаться гораздо более эффективной с точки зрения поиска исследовательской единицы МКК.

Действительно, возвращаясь к приведенным выше требованиям к единице МКК, можно установить, что категория смысла отвечает многим из них:

- *смысл* представляет собой одну из фундаментальных философских категорий, однако легко поддается специализации и конкретизации;
- *смысл* соотносится с категорией информации и тем самым может привлекаться для описания процессов генерирования и модификации информации в рамках отдельных факторов коммуникации;
- существует устойчивая традиция говорить о *смысле* Текста — важнейшего коммуникативного фактора (т.е. *смысл* = “содержание”);
- отталкиваясь от *смысла*, нетрудно перейти к категории *значения* (ср. мнение М. В. Никитина о том, что значения словесных знаков суть те же понятия, лишь связанные знаком¹¹) и охватить таким образом как неязыковые, так и языковые аспекты МКК;
- возможен также обратный путь (через ономаσιологический метод);
- привлечение категории *смысла* позволяет анализировать абстрактные, обобщенные и т.п. понятия (в отличие, например, от “реалий”),

а также выводную (имплицативную) информацию (в отличие, например, от “концептов”);

- наконец, *смысл* хорошо стыкуется с так называемыми “менталистскими” моделями культуры, базирующимися на категориях знака, значения, информации и т.д.

В качестве одной из разновидностей последних может быть предложена “смысловая модель” культуры. Согласно этой модели, культура представляет собой систему, которая: а) генерирует разнообразные смыслы, б) вытесняет их; вытесненные иногда в) реактуализирует, а также г) подвергает их переоценке, д) заимствует смыслы в иных культурах или, напротив, е) транслирует собственные смыслы вовне, в иные культуры.

Еще один центральный тезис “смысловой” модели культуры состоит в том, что значительная часть смыслов, циркулирующих в культуре, носит специфический характер, присуща только ей.

Культурно-специфические смыслы могут быть противопоставлены *интернационально известным* (в данном случае мы оставляем их за рамками рассмотрения), с одной стороны, и *универсальным* смыслам — с другой. Большинство затруднений в (межязыковой) МКК и переводе связано с наличием в Сообщении (и других звеньях коммуникативной цепочки) культурно-специфических смыслов, а также смыслов, специфика которых восходит к особенностям выражения универсальных смыслов в разных языках.

Перед тем как перейти к более подробному рассмотрению культурно-специфических смыслов, кратко остановимся на смыслах, специфика которых имеет чисто языковую природу.

В соответствии с вышеприведенным разграничением “специалий” на (системно-) языковые, дискурсивные и текстовые, мы можем выделить *лингвоспецифические* (“языково-специфические” звучало бы, вероятно, несколько неблагозвучно), *дискурсивно-специфические* и *текстуально-специфические* смыслы.

Первые из названных смыслов восходят к различиям в системе (строе) контактирующих в МКК языков. Лингвоспецифические смыслы могут быть подразделены на: а) смыслы, обусловленные *внешней формой* языковых элементов, и б) обусловленные *внутриязыковой формой* смысла. К проявлениям (а) можно отнести, например, рифму в поэзии, образование фразеологических единиц, игру слов, текстуализированные вербальные ассоциации, дополнительный стилистико-прагматический эффект при употреблении территориальных или социальных вариантов произношения и т.д.

Список лингвоспецифических смыслов, детерминированных особенностями внутриязыковой формы смысла, — пункт (б) — гораздо шире. В него входят, в частности, распределение содержания между различными языковыми уровнями, лексическая сегментация понятийных полей, номинативная мотивация слова, сочетаемость, количество идеографических и стилистических синонимов, образность, морфологический и грамматический инвентарь (артикл, род и множественное число существительных; вид и время глаголов) и т.д. Сюда же можно причислить эксплицитность / имплицитность выражения и порядок следования языковых элементов в речевой цепи.

Палитра дискурсивно-специфических смыслов также весьма разнообразна — начиная от глобальных различий типа “разговорчивости” / “молчаливости” культур или предпочтений, отдаваемых в данной культуре устному или письменному модусу коммуникации, и кончая темпом речи или высотой тона при произнесении того или иного речевого сегмента.

Вся область дискурсивно-специфического первоначально может быть разделена на группу *паралингвистических* и группу *узуальных* явлений.

Паралингвистические дискурсивно-специфические смыслы можно определить как внешнюю форму дискурса. Они охватывают такие феномены, как интонация, громкость, паузы, заполнители пауз, слушательские сигналы (“эхо”), покашливание и т.д.

Узуальные дискурсивно-специфические смыслы, в свою очередь, поддаются описанию в терминах внутренней формы дискурса. Часть из них коррелирует с номинативной мотивацией лингвоспецифических смыслов (отбор специфических признаков ситуации — ср.: *Push!* ↔ *Om себя!*, *Vorsicht*, *bissiger Hund* ↔ *Осторожно, злая собака!*), а часть может быть охарактеризована как продукт вторичной кодификации: если обычные системно-языковые знаки кодифицированы по линии “означающее” — “означающее”, то узуальные единицы характеризуются устойчивой связью с различными коммуникативными факторами (Деятельность, Коммуникант, Ситуация, Тема и т.д.). Типичными проявлениями дискурсивно-специфических смыслов являются обращения, приветствия, объявления, предупреждения и другие микро- и макроречевые акты.

В современном языкознании, за немногими исключениями^{11а}, не принято разграничивать устные (дискурс) и письменные (тексты) Сообщения. Мы считаем, что это все же в неко-

торых случаях оправдано — хотя бы из эвристических и дидактических соображений.

На уровне текста выделяется также специфическая внешняя и “внутритекстуальная” форма смысла. К первой можно отнести различия в графемике, которые проявляются, к примеру, при переводе (транскрипция и транслитерация), различия в пунктуации, оформлении абзацев и т.д. Ко второй — особенности литературных жанров (хокку, лимерик, шванк, повесть) и отдельных типов текста (письмо, рекламные и брачные объявления, заявление, договор и т.д.), специфику приближения к теме и ее развертывания, построения аргументации (например, в научных текстах) и т.д.

Культурно-специфические смыслы (далее — КСС) поддаются классификации на основе различных оппозиций и, в частности, могут подразделяться на: *дискретные* ⇔ *недискретные*, *поверхностные* ⇔ *глубинные*, *номинативно-связанные* ⇔ *коммуникативно-факториальные*, *относительные* ⇔ *абсолютные*, *полностью специфические* ⇔ *частично специфические*, *серийные* ⇔ *уникальные*, *прагматические* ⇔ *когнитивные*, *культурно-релевантные* ⇔ *культурно-иррелевантные* и др.

Под дискретными КСС понимаются более или менее четко ограничиваемые элементы существующего в сознании человека смыслового континуума, соотносящиеся с предметами, лицами, событиями и т.д. С семасиологической точки зрения им соответствуют традиционные переводоведческие и лингвострановедческие категории реалий и страноведчески значимых имен собственных. Разграничить реалии и имена собственные можно на основе оппозиции *серийные* КСС (классы смыслов) ⇔ *уникальные* КСС (индивидуальные смыслы).

Недискретными КСС могут считаться понятия высокой степени абстракции и обобщения (СВОБОДА, БОГАТСТВО, ТРАНСПОРТ и т.д.), многие из которых активно изучаются в последнее время под именем “культурных концептов” (Ю. С. Степанов, В. Н. Телия, В. А. Маслова и др.).

К недискретным можно отнести также и *глубинные* КСС, выявляемые в ходе культурной когниции и коррелирующие с базовыми, основополагающими чертами соответствующих культур (культурные архетипы, “измерения” Г. Хофстеде, “стандарты” А. Томаса и т.д.).

Дискретными являются, большей частью, *номинативно-связанные* КСС (имеющие более или менее устойчивое языковое обозначение). *Коммуникативно-факториальные* смыслы, генерируе-

мые в рамках неязыковых коммуникативных факторов (Отправитель, Ситуация и т.д.) и извлекаемые при помощи импликации (подтекстовая информация, косвенные речевые акты, аллюзии и т.д.), напротив, можно отнести к недискретным КСС.

Абсолютно специфические культурные смыслы коррелируют с явлениями, присущими лишь одной культуре и отсутствующими во всех других. Таковыми являются большинство уникальных КСС и некоторые реалии. *Относительные КСС* могут быть представлены и в третьих культурах.

Частично специфические культурные смыслы отражают сущности, совпадающие в сопоставляемых культурах ядерными признаками и отличающиеся периферийными (под семасиологическим углом зрения — частичные реалии и т.н. фоновая лексика).

Культурно-релевантные КСС соотносятся с явлениями, занимающими высокое место в смысловой иерархии культуры-источника, *культурно-иррелевантные*, соответственно, — с менее значимыми.

Оппозиция *прагматические* \Leftrightarrow *когнитивные КСС* имеет в виду различия между вещественной и прагматической (оценочной, аксиологической) спецификой.

Подводя итоги нашего краткого исследования, целесообразно утверждать, что понятийная система: контраст $x \Leftrightarrow y = \text{специалия}_x + \text{лакуна}_y$, лингво-, дискурсивно-, текстуально- и культурно-специфические смыслы (со всеми рядами последних) — позволяют охватить большую часть межъязыковых и межкультурных расхождений, проявляющихся в процессе МКК. Эти единицы могут с успехом использоваться в таких дисциплинах, как теория МКК, лингвострановедение, теория перевода, этнопсихолингвистика и других.

¹ Oksaar E. Problematik im interkulturellen Verstehen // Müller B.-D. (Hrsg.) Interkulturelle Wirtschaftskommunikation. München: Judicium, 1991. S. 17.

² Thomas A. Analyse der Handlungswirksamkeit von Kulturstandards // Thomas A. (Hrsg.) Psychologie des interkulturellen Handelns. Göttingen et al.: Hogrefe, 1996. S. 112.

³ Schwerdtfeger I. C. Kulturelle Symbole und Emotionen im Fremdsprachenunterricht. Umriss eines Neuansatzes für den Unterricht von Landeskunde // Info DaF. 1991. № 3. S. 241.

⁴ См.: Марковина И. Ю., Сорокин Ю. А. Опыт систематизации лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на понимание текста // Текст как явление культуры. Новосибирск: Наука, 1989. С. 103—162. ^{4а} С. 84—85.

⁵ См.: Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации:

научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. Харьков: Штрих, 2001. С. 102—111.

⁶ См.: Jung M. Sprachgrenzen und die Umriss einer xenologischen Linguistik // Jahrbuch Deutsch als Fremdsprache 19. München: Judicium, 1993. S. 214.

⁷ См.: Ehlich K. Xenismen und die die bleibende Fremdheit des Fremdsprachensprechers // Hess-Lüttich E.W.B. (Hrsg). Integration und Identität. Tübingen: Narr, 1986. S. 50—51.

⁸ См.: Hess-Lüttich E.W.B. Xeno-Linguistik. Zur Rolle der Sprache in der “Interkulturellen Germanistik” // Hess-Lüttich E.W.B., Papiór J. (Hrsg.) Dialog: Interkulturelle Verständigung in Europa: ein deutsch-polnisches Gespräch. Saarbrücken; Fort Lauderdale: Breitenbach, 1990. S. 56.

⁹ Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. С. 192. ^{9a} С. 178.

¹⁰ Hausmann F. J. Ist der deutsche Wortschatz lembar? Oder: Wortschatz ist Chaos // Info DaF. 1993. № 5. S. 474.

¹¹ См.: Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М.: Высшая школа, 1988. С. 46. ^{10a} С. 18.